

15556

ОИ

272
370

В. Я. Смирновъ.

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ПОЭЗИИ ПУШКИНА

ДЛЯ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

РЪЧЬ ВЪ СТОЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ ДНЯ РОЖДЕНІЯ

А. С. Пушкина.

ИЗДАНІЕ.

ТИПОГРАФИЯ ГУБЕРНСКОЙ ВЕНСКОЙ УПРАВЫ.

1899.

S/av 4350.4.2341

✓

72*2

200

Печатано по постановленію педагогического совѣта Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища отъ 24-го мая 1899 года.

50022-44

20

Воспитательно-образовательное значеніе поэзіи Пушкина для русскаго общества.

Сегодня не только образованная часть русскаго народа, но и все болѣе или менѣе грамотное русское населеніе, раскинутое на громадной территоріи нашего государства, сплотилось въ одно горячее чувство, проникнуто однимъ нравственно свѣтлымъ стремленіемъ отпраздновать достойнымъ образомъ знаменательный день торжества своего національнаго словеснаго искусства, — день столѣтія со дня рожденія величайшаго и любимѣйшаго своего поэта А. С. Пушкина, предмета нашей народной гордости и славы предъ всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ. Съ такимъ же восторженно-патріотическимъ настроеніемъ собрались и мы въ настоящемъ случаѣ для чествованія его памяти, и на мою долю выпала счастливая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма трудная отвѣтственность выдѣлать предъ вами, м.м. г.г., что особенно существеннаго и важнаго представляетъ для насъ, русскіхъ, поэзія Пушкина въ воспитательно-образовательномъ отношеніи.

I.

Предварительно мы должны оговориться, что въ своемъ обзорѣ воспитательно-образовательныхъ сторонъ поэзіи Пушкина мы будемъ имѣть въ виду почти исключительно произведенія, написанныя поэтомъ въ теченіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ его жизни, начиная съ 1824 года, времени переѣзда его въ жительство въ с. Михайловское, по 1837-й годъ, т. е. годъ смерти поэта, такъ какъ только произведенія этого періода времени носятъ самостоятельный, самобытный характеръ; преобладающее же большинство юношескихъ произведеній поэта предшествующаго десятилѣтняго періода его литературной дѣятельности носитъ подражательный характеръ, хотя и во многихъ изъ нихъ бьются проблески самобытности и оригинальности. Равнымъ образомъ и въ духовномъ развитіи Пушкина, въ развитіи его взглядовъ и идеаловъ, отразившихся въ поэтическихъ произведеніяхъ, слѣдуетъ разграничивать эти два періода, изъ которыхъ первый почти всецѣло принадлежитъ Александровской эпохѣ, а второй — Николаевской. Въ Александровскую эпоху Пушкинъ является еще незрѣлымъ, неустановившеюся личностью, подчиняющеюся, въ силу

своей пылкой юношеской впечатлительности, различными чуждыми, наносными западными влияниями и влияниями, во большинстве случаев скользящего отрицательного характера. Со временем же пребывания Пушкина в с. Михайловском совпадает период зрелости его умственных силъ. Поэтому биографъ Пушкина Анненковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „между бѣдностью умственного міра Пушкина въ петербургскій періодъ существованія и тѣмъ нравственнымъ содержаніемъ, которымъ онъ владѣлъ при появленіи въ Москвѣ въ 1826 году, лежитъ цѣлая пропасть“ (Анненковъ. „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 328). Благодаря полному уединенію въ селѣ Михайловскомъ и отдаленію отъ шумнаго свѣта, Пушкинъ впервые получилъ возможность болѣе серьезно и глубоко сосредоточиться въ самомъ себѣ, внимательно всмотрѣться въ современную ему и историческую жизнь Россіи и непосредственно сблизиться съ народною русскою жизнью, вслѣдствіе чего и произошло съ нимъ духовное перерожденіе: въ немъ укрѣпляется убѣжденіе въ своемъ призваніи къ самобытной, національной творческой дѣятельности; онъ начинаетъ отрѣшаться отъ скользящихъ наносныхъ вѣяній, теперь онъ убѣжденно говоритъ, что то, „что нужно Лондону, то рано для Москвы“, онъ начинаетъ постигать индивидуальныя духовныя особенности русскаго народа, ищущаго свою особую историческую судьбу, сравнительно съ остальными европейскими народами, и свои особыя грядущія задачи, выполненіе которыхъ мыслимо только на основахъ, предначертанныхъ исторіей Россіи, и путемъ развитія началъ, заложенныхъ въ духѣ народа, въ его бытѣ, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Насколько горячо Пушкинъ былъ проникнутъ идеєю русской національности во второй періодъ своей жизни, доказываетъ, напр., слѣдующее его откровенное признаніе въ одномъ изъ писемъ къ близкому знакомому: „Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ послалъ“. (Соч. Пушкина, изд. Суворина, VIII, 504). Такое глубокое національное настроеніе Пушкина привело его „не къ красному патріотизму, не къ китайскому самодовольству“, какъ замѣчаетъ профессоръ Кирпичниковъ („Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XXV, стр. 847), а къ изученію родной старины, народнои поэзіи и къ усиленному поэтическому творчеству въ національномъ духѣ. Вслѣдствіе этого Пушкинъ въ Николаевскую эпоху своей жизни, оставался на той же высотѣ своихъ стремленій и идеаловъ, всецѣло отрѣшается отъ изображенія въ своей поэзіи блестящихъ, гордыхъ, страстныхъ, героическихъ и вообще чуждыхъ природѣ русскаго человѣка типовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,